УДК 94(47).07

Карцев П.О.[1]

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тульский государственный университет

Kartcev P.O.

MILITARY-HISTORICAI AND SOCIO-POLITICAL TOPICS THE FIRST WORLD WAR IN DOMESTIC MEMOIRS

Tula State University

Реферат. В статье рассказывается о некоторых мемуарах, посвящённых Первой мировой войне. Особенно автор обращает внимание на то, какие военно-исторические и общественно-политические вопросы нашли отражение в воспоминаниях Брусилова, Сазонова, Гиппиус и других.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, история, мемуары, литература, армия.

Abstrac. This article describes some of the memoirs devoted the First World War. Especially the author pays attention to what the military-historical and socio-political issues are reflected in the memories of Brusilov, Sazonov, Gippius and others.

Keywords: The First World War, Russian State, history, memoir, literature, army.

Среди междисциплинарных проблем, интерес к которым не только не ослабевает, но и усиливается с течением времени, относится весь комплекс вопросов, связанных с изучением Первой мировой войны. Ещё не одно поколение политологов, военных, юри-

---

[1] Карцев Павел Олегович — студент Тульского государственного ун-та, направление подготовки: документоведение и архивоведение.

стов, библиографов, психологов, историков будет искать ответы на современные вопросы в глубине противоречий 1914—1918 годов.

Одним из перспективных научных направлений, в данном контексте, является отражение военной проблематики в отечественной мемуарной литературе. Кроме того, актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня всё больше возрастает интерес к проблемам личности в истории, ее внутреннему миру, восприятию исторических событий.

Таким образом, открываются совершенно новые источники информации, позволяющие рассматривать уже поставленные вопросы под совершенно иным ракурсом. Для изучения становится доступен значительный слой документов личного происхождения (письма, дневники, воспоминания и многое другое), в которых наглядно отражаются чувства личности, мысли, отношение той или иной социальной группы к происходящим событиям, общественное сознание; настроения, свойственные определенному историческому периоду.

Говоря о степени научной разработанности темы, целесообразно акцентировать внимание на некоторых моментах. С одной стороны, можно отметить ряд научных работ, посвященных всему комплексу литературы по Первой мировой войне, в целом, или по её отдельным аспектам; либо произведениям определенных авторов. Одной из первых книг по данной теме стала монография О.В. Цехновицера «Литература и мировая война. 1914—1918» [18], изданная в 1938 г. Среди достоинств данной работы можно назвать тщательно собранный автором материал и обширный библиографический указатель произведений по Первой мировой войне, а также авторский указатель. Стоит отметить, что монография уделяет внимание не только русской литературе, но и иностранной (английской, французской, немецкой).

Другой работой является статья В.П. Вильчинского «Литература 1914—1917 годов» в коллективной монографии «Судьба русского реализма начала XX века» [3]. В ней автор корректирует наиболее политизированные высказывания О.В. Цехновицера и анализирует литературу о Первой мировой войне с учетом последующего опыта изучения Великой Отечественной, что позволяет выделить важнейшие тематические направления.

В аналогичном ключе можно назвать работы Т.Н. Фоминых, А.И. Иванова, Б. Хеллмана [6, 14—17].

С другой стороны, необходимо обозначить наличие работ, посвященных документам личного происхождения конкретных авторов, либо — мемуарам о Первой мировой войне. К числу первых относятся, например, статьи: Ю.А. Жердевой «Воспоминания солдат о фронте по записям сестры милосердия Л.Д. Духовской (1914—1916 гг.)» [4], Н.А.

Андереевой «Вера фон Ренненкампф. Из воспоминаний о Первой мировой войне» [1]; сборник статей «Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы» [13], книга «Первая мировая: взгляд из окопа» [11] и пр.

В составе второго направления — статья К.А. Пахалюка «Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода» [9], статья Д.Ю. Козлова «Первая мировая война в русской военно-морской мемуаристике» [7] и др.

Исходя из выше перечисленного, можно сделать вывод, что комплексно мемуарная литература по Первой мировой войне до настоящего времени недостаточно рассматривалась.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что в связи с увеличением исследовательского интереса к Первой мировой войне, обусловленного отчасти 100-летним юбилеем ее начала, в последние годы было проведено несколько международных конференций, в том числе, «Россия в Первой мировой войне: Балканский аспект. Итоги и перспективы», «Первая мировая война: год 1914-й» [10, 12].

Имеется достаточное количество диссертации, посвященных самым различным проблемам Первой мировой войны (отражения конфликта в литературе, положение тыловых провинций, русская армия во время войны и мн. др.) [2, 5, 8].

Основными источниками при написании настоящей статьи служат «Дневники» З.Н. Гиппиус, «Мои воспоминания» А.А. Брусилова[1], «Воспоминания» С.Д. Сазонова. «Дневники» предоставляют широкий круг информации по внутриполитической и культурной жизни Российской империи в годы Первой мировой войны, особенно в среде интеллигенции, а также частично затрагивают социальное развитие. «Мои воспоминания» А.А. Брусилова являются ценным источником по военному делу в России в годы Первой мировой войны и непосредственно перед ее началом. Уделяется внимание, как описанию боевых действий, так и организации и оснащению русской армии. «Воспоминания» С.Д. Сазонова несут в себе сведения, касающиеся дипломатических и политических вопросов на всем протяжении войны. Помимо вышеперечисленных источников, используются мемуары Г.К. Графа, Э.А. Верницкого, Г.И. Шавельского, А.С. Арутюнова, Н.А. Бобринского, А.Ф. Керенского, А.И. Спиридовича и другие.

Итак, Первая мировая война стала одним из главных событий XX века. С самого начала она воспринималась неоднозначно. Нередко люди, принадлежащие к одному соци-

[1] В.П. Козлов ставит под сомнение авторство А.А. Брусилова [7].

альному слою, могли иметь диаметрально противоположные взгляды, как на те или иные события, так и на войну в целом.

Определенное внимание в мемуарной литературе, касающейся Первой мировой войны, уделяется вопросу вероятности начала боевых действий. Большинство в Российской империи было уверенно, что вооруженного конфликта удастся избежать. В своих воспоминаниях А.А. Брусилов приводит ответ князя Ф.Ф. Юсупова на замечание о близости войны: «Ну что за вздор! — воскликнул Юсупов. — Никакой войны быть теперь не может...»[1]. В них же он отмечает: «В Варшаве... все было спокойно, и публика, по-видимому, не подозревала, что мы находимся накануне войны. <...> ...все уверены, что мы войны избежим»[2]. Однако сам А.А. Брусилов придерживался иного мнения и, говоря о начале войны, пишет что «совершилась давно ожидаемая и неизбежная катастрофа...»[3]. Внезапность войны подтверждает В.Г. Федоров: «Каждый надеялся, что все будет в конце концов улажено и мирный уклад жизни не нарушат кровавые события»[4]. Еще одним примером неоднозначности взглядов служат воззрения адмирала Н.О. фон Эссен, который «не разделял мнения Петербурга о возможности мирного разрешения конфликта»[5]. Аналогичной позиции придерживался великий князь Н.Н. Романов, считавший войну с Германией «неизбежной, и для России необходимой»[6]. Совершенно иные сведения по данному вопросу содержаться в мемуарах генерала А.С. Лукомского, который утверждал: «Все были уверены, что избежать Европейской войны нельзя будет...»[7].

Надежды на отсутствие вооруженных действий присутствовали и в дипломатических кругах России. МИД Российской империи прилагал значительные усилия для того, чтобы решить конфликт мирным путем. С.Д. Сазонов в своих мемуарах пишет: «Эти угрозы [ультиматумы от Германии — *П.К.*] были направлены против России, делавшей нечеловеческие усилия, чтобы избежать войны...»[8]. Схожая ситуация прослеживается и в дипломатических отношениях с Австро-Венгерской империей: «...русское правительство не давало своим войскам приказа перейти австрийскую границу, имея в виду ...обещание

---

[1] Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Вече. 2013. С. 49.
[2] Там же. С. 50.
[3] Там же.
[4] Федоров В.Г. В поисках оружия. М.: Воениздат, 1964. С. 3.
[5] Меркушев В.А. Записки подводника 1905—1915. М.: Согласие, 2004. С. 184.
[6] Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. С. 88.
[7] Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Т 1. Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1922. С. 26.
[8] Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. С. 239.

не нарушать мира, пока идут переговоры, т.е. пока не исчезнет последняя ...надежда на его сохранения»[1].

Но с учетом слабости надежд на мир, обусловленных открытой подготовкой Германии к войне, перед российской дипломатией стояла и другая задача — отодвинуть начало войны на 1917 год или более поздний срок. К данному году, по словам А.А. Брусилова, «Россия ...предполагала изготовиться к этому великому экзамену народной мощи...»[2]. В.Г. Федоров также предполагал, что «...русская дипломатия приложит все меры к к тому, чтобы оттянуть войну, пока не будет выполнена... [военная] программа»[3].

Несколько различались мнения касательно самого факта начала войны. Большинство мемуаристов отмечают огромный патриотический подъем, царивший в первые дни войны. Граф Н.А. Бобринский сообщает в своих записках: «...увидел, что везде ходят толпы с пением “Боже, Царя храни” и “Спаси, Господи, люди Твоя”»[4], «...видел, как патриотически настроенная толпа с криками “ура” качала офицеров»[5]. Об этом говорит в своих дневниках и З.Н. Мережковская-Гиппиус, приводя слова своей сестры Т.Н. Гиппиус: «...народ ходит с флагами, подъем патриотизма...»[6]. Протопресвитер русской армии и флота вспоминает, что «когда Государь с Наследником показался на балконе, восторгу толпы не было границ. Война сразу стала популярна...»[7]. Он же отмечает, что «такое настроение не ослабевало в течение нескольких месяцев войны»[8]. Обозначение патриотического подъема можно найти и во многих других мемуарах.

Однако позиция самого автора мемуаров могла, как совпадать с «общей», так и отличаться. К примеру, З.Н. Гиппиус, в отличие от своей сестры, не разделяла радости от начала Первой мировой войны. В своем дневнике она иронично спрашивает: «Быть с несчастной, не понимающей происходящего, толпой, заражаться ее “патриотическими” хождениями по улицам?..»[9] и сама же отвечает: «Нет, нет!»[10]. Однако ее знакомые воспринимают событие в ином ключе, что также отмечается поэтессой в соответствии с ее мне-

---

[1] Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002.

[2] Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Вече, 2013. С. 46.

[3] Федоров В.Г. В поисках оружия. М.: Воениздат, 1964. С. 4.

[4] Бобринский Н.А. На Первой мировой войне. Из записок графа Николая Алексеевича Бобринского // Дворянское собрание. 1995. № 3. С. 176.

[5] Там же.

[6] Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники 1893—1919. М.: Рус. книга, 2003. С. 155.

[7] Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. С. 84.

[8] Там же. С. 87.

[9] Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники 1893—1919. М.: Рус. книга, 2003. С. 155.

[10] Там же. С. 156.

нием: «...все уже сошли с ума. Двинулась Сонина семья с детьми и старой теткой Олей. Неистовствовал Вася-депутат»[1], «...половина [интеллигентных словесников] физиологически заразилась бессмысленным воинственным патриотизмом...»[2]. Не смотря на негативное отношение к войне, З.Н. Гиппиус все же желала победы Атланте и на собрании у Славинского произнесла, что «...учитывая реальность войны, я желаю сейчас победы союзников»[3]. Того же мнения придерживался и Керенский, который свою речь «...так же кончил “за союзников”»[4]. К «воодушевленному народу» неодобрительно относился и Г.И. Г.И. Шавельский, полагавший, что «воинственный пыл и какой-то радостный подъем... могли бы послужить типичным примером массового легкомыслия в отношении самых серьезных вопросов»[5].

Пример иного отношения к войне можно прочесть в дневнике А.С. Арутюнова. Он считал, что «Россия встала на защиту угнетенных братьев Славян, и надо было стать за честь и достоинство св. Руси»[6]. Схожего мнения придерживалась мать графа Н.А. Бобринского, которая утверждала, что Первая мировая — «это война святая, с нашим исконным врагом»[7].

Патриотический подъем также наблюдается в армии и флоте. Этот факт упоминается в воспоминаниях Г.К. Графа, где он сообщает, что «подъем духа всего личного состава флота был огромный, и приказ ...по случаю начала войны он встретил с энтузиазмом»[8]. В.А. Меркушев пишет об отсутствии «на бригаде каких-либо признаков паники или малодушия»[9]. А впоследствии неоднократно говорит о моральном подъеме[10]. Э.А. Верцинский ский в своих записках указывает, что «настроение было у всех отличное, всюду чувствовался громадный подъем и уверенность в успехе»[11].

Состояние русской армии и приграничных территорий на начало войны хорошо описывают в своих мемуарах А.А. Брусилов и Г.И. Шавельский. Генерал порицал упразд-

---

[1] Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники 1893—1919. М.: Рус. книга, 2003.

[2] Там же. С. 156.

[3] Там же. С. 157.

[4] Там же.

[5] Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. С. 87.

[6] Арутюнов А.С. Дневник солдата. Ростов-на-дону, 2013. С. 7.

[7] Бобринский Н.А. На Первой мировой войне. Из записок графа Николая Алексеевича Бобринского // Дворянское собрание. 1995. № 3. С. 176.

[8] Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 34.

[9] Меркушев В.А. Записки подводника 1905—1915. М.: Согласие, 2004. С. 185.

[10] Там же. С. 191, 197.

[11] Верницкий Э.А. Из мировой войны: боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914—1917 годы. Таллин-Ревель: ERK, 1931. С. 10.

нение Сухомлиновым[1] крепостных полков и районов, указывая, что «крепостные полки были отличными, крепкими частями, прекрасно знавшими свои районы...»[2]. Брусилов считал нецелесообразной замену резервных полков скрытыми, утверждая, что они «...не могли заменить их по недостатку крепких кадров и спайки в мирное время»[3]. Упразднение ние крепостей иначе рассматривал А.С. Лукомский. Он считал этот шаг целесообразным, объясняя это тем, что «...большая часть из наших крепостей была более чем в печальном виде... <...> Расходы же, вызванные поддержанием в порядке этих крепостей и по их содержанию, были очень значительные»[4].

Значительное внимание А.А. Брусилов уделяет организации и техническому оснащению армии. В первую очередь, это касается наличия боеприпасов. Генерал отмечает, что «ограниченность огнестрельных припасов была ужасающей, крупнейшей бедой...»[5]. Отчасти он ставит это в вину Сухомлинову: «Виновен Сухомлинов ...в особенности в том, что вопрос о наличие огнестрельных припасов был решен неудовлетворительно»[6]. Упоминание о нехватке боеприпасов встречается и в записках Э.А. Верницкого: «...генерал-лейтенант Потоцкий высказывал беспокойство о крайней ограниченности и совершенной недостаточности нашего запаса артиллерийских снарядов...»[7].

Оснащение армии и ее организация также является одним из ключевых моментов в мемуарах очевидцев Первой мировой войны, так или иначе связанных с военной деятельностью. А.А. Брусилов указывал на тот факт, что «пулеметов было ...чрезвычайно мало»[8], что на дивизию вместо 160 необходимых пулеметов приходится только 32[9]. Он также сообщает и об отсутствии «бомбометов, минометов и ручных гранат»[10]. Несколько отдельно описана артиллерия. А.А. Брусилов пишет: «...у нас сплошь были легкие орудия, сильные своим шрапнельным огнем, но немощные стрельбою гранатами...»[11] и делает вывод: «...наша артиллерия была приспособлена ...к оборонительному бою, но никак не к насту-

---

[1] Сухомлинов В.А. (4(16).08 1848—2.02.1926) — военный министр Российской империи с 11.03.1909 по 13.06.1915.

[2] Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Вече, 2013. С. 54.

[3] Там же.

[4] Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Т 1. Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1922. С. 38.

[5] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 56.

[6] Там же. С. 53.

[7] Верницкий Э.А.Указ. соч. С. 10.

[8] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 55.

[9] Там же. С. 56.

[10] Там же.

[11] Там же.

пательному»[1]. В.Г. Федоров в своих воспоминаниях указывает на то, что «наша отсталость в количестве артиллерии, по мнению высших военных кругов, была угрожающей»[2]. Брусилов уделяет внимание и навыкам артиллерии. Он сообщает, что «наша артиллерия ...стреляла хорошо побатарейно и дивизионами, но стрельбы высших соединений ...не знала»[3].

Генерал заостряет внимание на нехватке саперных частей: «На каждый армейский корпус было по одному саперному батальону, ...что ...было совершенно недостаточно»[4].

О кавалерии А.А. Брусилов отзывается неоднозначно. С одной стороны — он пишет, что «...кавалерийские и казачьи дивизии были достаточно сильны для самостоятельных действий стратегической конницы»[5]. С другой — порицает их значительную численность: «...кавалерии у нас было слишком много, в особенности после того, как полевая война перешла в позиционную»[6].

В мемуарах затрагивается и тематика военно-воздушных сил России. А.А. Брусилов характеризует их крайне негативно. Это относится к техническому состоянию: «…самолетов было мало, большинство из них были довольно слабые, устаревшей конструкции»[7], «дирижаблей ...было всего несколько штук. Это были устаревшие слабые воздушные корабли...»[8]. Военачальник подчеркивает и то, что летчики не имели понятия о корректировке огня артиллерии[9].

Отрицательно оцениваются русские корабли и их численность. В.А. Меркушев пишет: «...бригада состояла из устаревших судов, с изношенными механизмами»[10]. Г.К. Граф в воспоминаниях о Балтийском флоте отмечает разницу в боевой мощи с флотом противника: «...наши силы, по сравнению с неприятелем были ничтожны»[11]. Однако он высоко оценивает подготовку моряков, сообщая, что получив приказ расставить мины, «отряд безукоризненно выполнил эту операцию»[12]. Преимущественно в положительном ключе о личном составе флота отзывается Г.И. Шавельский. В своих мемуарах он указывает, что адмирал Н.О. Эссен «...сумел вдохнуть в моряков веру в себя, развить в них доб-

---

[1] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 57.
[2] Федоров В.Г. В поисках оружия. М.: Воениздат, 1964. С. 7.
[3] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 57.
[4] Там же. С. 58.
[5] Там же. С. 59.
[6] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 59.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] См: там же.
[10] Меркушев В.А. Записки подводника 1905—1915. М.: Согласие, 2004. С. 184.
[11] Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 34.
[12] Там же.

лесть...»[1], что «...флот блестяще выдержал борьбу с весьма превосходившим его силами германским флотом»[2]. Но вместе с этим, он характеризует матросов как «...котел с горючим веществом, куда стоило попасть мятежной искре, чтобы последовал страшный взрыв»[3].

Нередко, в мемуарах акцентируется внимание на офицерской среде. А.А. Брусилов неодобрительно писал о системе ее формирования: «…корпус же офицеров страдал многими недостатками...»[4]. В качестве одной из причин называет аттестационные комиссии, которые были «...вполне безответственными за свои аттестации»[5]. Второй причиной, по мнению генерала, являлась гвардия, образовывавшая часть командного состава. А.А. Брусилов вспоминает по этому поводу: «...гвардейские офицеры полагали, что между ними неудовлетворительных быть не может (что действительностью не оправдывалось)...». Еще одним фактором плохой профессиональной подготовки офицерского корпуса полководец считал Генеральный штаб, который «...избавлялся от своих неспособных членов тем, что сплавлял их командовать полками, бригадами и дивизиями...»[6].

Схожие тенденции в формировании офицерства отмечает и Г.И. Шавельский. Он пишет: «Выдвижению талантов немало препятствовала ...система назначения на командные должности, по которой треть должностей командиров армейских полков предоставлялась офицерам Генерального штаба, вторая треть — гвардейцам и третья — армейцам» [7]. Он же утверждает, что «из армейцев ...на командные должности попадали ...единицы, ...большинство же заканчивало свою карьеру в капитанском чине[8]. Данные сведения подтверждают и мемуары А.А. Брусилова: «Движение по службе в самой армии происходило столь медленно и процент вакансий на должности начальников отдельных частей был столь мал, что подавляющее большинство офицеров этой категории выслуживало свой возрастной ценз в чине капитана или подполковника. Можно было по пальцам сосчитать счастливчиков из армии, дослужившихся до должности начальника дивизии»[9].

В мемуарной литературе отражен вопрос о выучке и личных качествах командиров русской армии. А.А. Брусилов придерживался мнения, что «состав кадровых офицеров армии был недурен и знал свое дело достаточно хорошо, но значительный процент на-

---

[1] Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. С. 104.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 105.
[4] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 61.
[5] Там же.
[6] Там же. С. 62.
[7] Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 96—97.
[8] Там же. С. 97.
[9] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 61.

чальствующих лиц ...оказался ...во многих отношениях слабым...»[1]. Аналогичное суждение присутствует и в воспоминаниях Г.И. Шавельского: «Среди рядового офицерства, до командира полка, процент офицеров, совершенно отвечающих своему назначению, был достаточно велик. Далее же он все более и более понижался: процент отличных полковых командиров был уже значительно меньше, начальников дивизий и корпусов — еще меньше и т.д.»[2].

Причины такого состояния видятся многим мемуаристам в «постановке службы и отношении к военной науке русского офицера»[3]. Генерал Брусилов высоко отзывался о военной академии, считал ее очень полезной и необходимой для хорошего командира[4]. Однако при этом, напоминал о необходимости «...вслед за окончанием курса, в течение все службы, беспрерывно следить за военной наукой и продолжать изучать ее...», чего во многих случаях не происходило. Указанная проблема поднимается и в мемуарах протопресвитера русской армии и флота Шавельского: «Русский офицер получал в школе отличную подготовку. Но потом, поступив на службу, он ...засыпал. За наукой военной он не следил или интересовался поверхностно. <...> Еще менее интереса проявляли к науке лица командного состава, от командира полка и выше»[5]. Заслуживает внимания и тот факт, согласно которому «...многие ...академики, изучив исключительно военное дело, уходили с военной службы на должности, ничего общего с военным искусством не имевшие...»[6]. шие...»[6].

Тем не менее, А.А. Брусилов отмечал, что большая часть командиров Генерального штаба «соответствовала своему назначению и среди них было много умных, знающих и самоотверженных работников»[7]. Он одобрительно характеризует их действия во время войны: «...офицеры Генерального штаба ...работали хорошо, умело и старательно выполняли свой долг»[8].

Обобщая личные качества командного состава, можно привести слова Г.И. Шавельского: «...русский офицер последнего времени не утратил прежних героических качеств своего звания. Рыцарство оставалось его характерною особенностью. <...> В храбрости тоже нельзя отказать русскому офицеру...»[9]. Помимо этого, в мемуарах есть заме-

[1] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 62—63.
[2] Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 97.
[3] Там же.
[4] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 64.
[5] Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 97.
[6] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 65.
[7] Там же. С. 63.
[8] Там же. С. 65.
[9] Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 94—95.

чание по поводу нравственного возвышения армии после Русско-японской войны: «...армия стала трезвенной и благонравной»[1]. Но даже будучи высокого мнения о командирах, протопресвитер Шавельский обозначал и их недостатки. Он пишет, что «в массе офицерства царил взгляд, что суть военного дела в храбрости, удальстве, готовности доблестно умереть, а все остальное — не столь важно»[2]. В его воспоминаниях упоминается и безалаберность: «не только наш солдат, но и офицер ...не были приучены к абсолютной точности исполнения приказов и распоряжений...» [3]. Брусилов же указывал, что «...самомнением страдала значительная часть чинов...»[4] Генерального штаба. Он же осуждал командующий состав за карьеризм[5]. Из-за описанной системы продвижения командиров «...невольно армейские офицеры апатично смотрели на свою судьбу...»[6]. Говоря о личных качествах, нельзя не сказать о неблагоприятных условиях для развития некоторых из них. А.А. Брусилов сообщает, что «самостоятельность инициатива в работе, твердость в убеждениях и личный почин отнюдь не поощрялись...»[7]. Это подтверждают и мемуары Г.И. Шавельского: «У русского солдата еще недоставало инициативы, самостоятельности, ...но это объяснялось и тем, что при тогдашней системе воинского воспитания недостаточно заботились о развитии таких качеств»[8].

Стоит упомянуть о негативном отношение армии к гвардии и офицерам Генерального штаба. Во многом здесь можно возложить вину на систему формирования командного состава. Вследствие низкого шанса на получение высоких званий «...армейские офицеры ...злобно относились к гвардии и Генеральному штабу, кляня свою судьбу»[9]. Неудовольствие армейских кругов вызывало и самомнение значительной части командиров Генштаба, «...которая льстила себя убеждением, что достаточно окончить 2,5-годичное обучение в академии, чтобы сделаться светилом военного дела, и считала, что только из их среды могут выходить хорошие полководцы»[10]. Не улучшал положение и тот факт, согласно которому, «нередко ловкачи и очковтиратели выплывали наверх, а талантливые, но скромные оставались в тени»[11]. Стоит отметить и то, что для более быстрого продвижения

[1] Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 98—99.
[2] Там же. С. 97.
[3] Там же. С. 99.
[4] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 63.
[5] Там же. С. 65.
[6] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 62.
[7] Там же.
[8] Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 94.
[9] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 62.
[10] Там же. С. 63.
[11] Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 96.

по службе, офицеров Генерального штаба постоянно перемещали с должности на должность. «Такое перелетание с места на место озлобляло армию, которая называла их белой костью, а себя — черной»[1]. Раздор в армию вносила и откровенная предвзятость. В качестве примера А.А. Брусилов приводит текст телеграммы: «Доблестные войска генерала Рузкого взяли Львов, а армия Брусилова взяла Галич»[2]. Далее военачальник описывает реакцию своих подчиненных: «Все солдаты и офицеры 8-й армии были поражены: почему же армия генерала Рузкого — «доблестная» по первым же шагам, а 8-я армия — только простая армия...»[3]. Брусилов пишет, что данный случай не единственный и обозначает тенденцию, по которой «сгущать краски к лучшему в делах любимчиков своих ради получения высших наград и умалять успехи других не считалось неприличным».

Патриотический подъем начал утихать после получения сведений о первых поражениях русской армии. Об этом свидетельствуют мемуары Э.А. Верницкого: «20 августа стали известны из газет сведения о неудаче армии Самсонова, что конечно произвело на всех тяжелое впечатление»[4]. Спад народного энтузиазма указал в своих воспоминаниях и Г.И. Шавельский: «...настроение не ослабевало, ...пока не обнаружились на фронте требовавшие множества жертв недочеты наши»[5]. Объяснение столь непродолжительного патриотизма можно найти в мемуарах А.А. Брусилова. Генерал пишет: «Даже после объявления войны прибывшие ...пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на головы... <...> кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно»[6]. И делает неутешительные выводы: «Можно ли было при такой моральной подготовке к войне ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах?!»[7]. Стоит отметить, что, несмотря на спад энтузиазма, армия определенное время не утрачивала моральной стойкости. В своем дневнике, в записи от 22 марта 1915 года А.С. Арутюнов сообщает: «Солдаты весь день собирались группами, шутили, смеялись, вспоминали случаи из боевых столкновений с турками и курдами, говорили много о мире

[1] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 65.
[2] Там же. С. 70.
[3] Там же. С. 71.
[4] Верницкий Э.А. Из мировой войны: боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914—1917 годы. Таллин-Ревель: ERK, 1931. С. 12.
[5] Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 87.
[6] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 74.
[7] Там же. С. 75.

и многое другое»[1]. Описывая бой 15 июня 1915 года, замечает, что его сослуживцы в атаку «шли бодро, и смело, осознавая важность момента...»[2].

Однако с наступлением 1916 года ситуация с боевым духом в армии стала кардинально меняться. Прибывший весной указанного года на фронт А.И. Черепанов в своих мемуарах подробно обрисовывает трагичность ситуации: «...среда, в которую я попал, напоминала стоячее болото. Многие офицеры ...поразили меня своим равнодушием, безразличным отношением к службе. Позиционная война, прошлые неудачи, тяжелая обстановка в тылу создавали гнетущее настроение в действующей армии»[3], «...солдаты и унтер офицеры все более открыто выражали недовольство затянувшейся войной»[4], «апатия солдат, их усталость усиливались и теми настроениями, которые приносили в полк вновь мобилизованные. <...> Люди приходили в полк, не имея никакого желания воевать, не понимая целей войны, к тому же и плохо обученные»[5]. Г.И. Шавельский также указывает на на изменившийся «состав солдатской массы, состоявшей ...из нижних чинов, шедших на военную службу часто с недовольством, иногда — с озлоблением»[6]. Он же называл и другие причины неудовлетворительного состояния армии: «Краткость периода обучения запасных...; перегруженность их ...военными упражнениями; все больше захватывающая страну усталость от войны; продовольственные затруднения; чрезвычайно тяжелые условия жизни во многих батальонах: скученность, недостаток постельных принадлежностей и др., все усиливающаяся, шедшая с разных сторон пропаганда...»[7]. А.И. Черепанов возлагает часть вины за разжигание антивоенных настроений в армии на военные организации РСДРП(б), которые «...которые разъясняли солдатам и матросам причины возникновения мировой войны, ее империалистический характер»[8]. Генерал А.С. Лукомский также фиксировал, что и «...в тылу все более и более развивалась пропаганда за прекращение войны»[9].

В аналогичной ситуации был и флот Российской империи. Г.К. Граф отмечал его возросшую мощь и обороноспособность, однако признавал: «...что касалось личного состава... , то там дела обстояли хуже»[10]. Давая разъяснение, он пишет: «Все, начиная с

---

[1] Арутюнов А.С. Дневник солдата. Ростов-на-дону: Издатель А. Арутюнов, 2013. С. 35.
[2] Там же. С. 48.
[3] Черепанов А.И. Поле мое ратное. М.: Воениздат, 1984. С. 3—4.
[4] Там же. С. 10.
[5] Там же. С. 11—12.
[6] Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 268.
[7] Там же. С. 269.
[8] Черепанов А.И. Поле мое ратное. М.: Воениздат, 1984. С. 11.
[9] Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Т 1. Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1922. С. 116.
[10] Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 229.

офицеров и кончая матросами очень утомились за время войны»[1]. Помимо этого, указывается падение нравов, сильное распространение карточных игр и злоупотребления спиртными напитками[2].

Стоит сказать, что такое положение нельзя назвать повсеместным. А.А. Брусилов соглашался с плохим обеспечением армии, отмечая в своих воспоминания, что «...сапог уже не хватало...»[3], «питание также ухудшилось...»[4], «все это начало вызывать серьезное недовольство солдат...»[5]. Но при этом он указывал и на неоднородность мнений в солдатской и офицерской среде: «Стал я ...получать письма, ...в которых заявлялось, что войска устали, драться больше не желают и что если мир не будет вскоре заключен, то меня убьют. Однако получал я и иные письма, ...в которых значилось, что если война не будет доведена до конца, ...то меня также убьют»[6].

Неоднозначность взглядов упоминается и в мемуарах А.С. Лукомского, где генерал пишет, что лишь «...в некоторых частях чувствовалось утомление войной»[7]. Подводя итоги, А.А. Брусилов заключает следующее: «Во всяком случае, в это время войска были еще строго дисциплинированы...»[8].

О Февральской революции армия и флот узнали не сразу. И.В. Тюленев сообщает в своих воспоминаниях: «Политические новости доходили до нас скупо. ...Мы даже в марте ничего толком не слыхали о Февральской революции»[9]. Плохую осведомленность матросов подтверждает Г.К. Граф, информирующий, что «из Петрограда стали доходить чрезвычайно тревожные слухи», а позже добавляет: «Наконец железнодорожное сообщение с Петроградом прервалось; всякие слухи прекратились...»[10].

Саму революцию армия приняла с воодушевлением, быстро перешедшим в анархию. А.И. Черепанов, находясь в госпитале, писал, что «основная масса раненых была настроена против царского правительства и восторженно встретила весть о его свержении»[11]. Однако уже вскоре С.А. Красовский констатирует: «Все ждали больших перемен.

---

[1] Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 229.
[2] Там же.
[3] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 255.
[4] Там же. С. 256.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Т 1. Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1922. С. 116.
[8] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 256.
[9] Тюленев И.В. Через три войны. М.: Воениздат, 1972. С. 44.
[10] Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 249—250.
[11] Черепанов А.И. Поле мое ратное. М.: Воениздат, 1984. С. 16.

Но шли дни, а каких-либо практических последствий Февральской революции мы не ощущали»[1]. А.А. Брусилов отмечает воцарившуюся в войсках анархию: «...бывали случаи, чаи, что та или иная дивизия или корпус объявляли, что более на фронте оставаться не желают и уходят домой, предварительно выгнав свой командный состав...»[2]. Он же указывает на факты убийства офицеров[3]. Подобные случаи описываются и у Г.К. Графа[4].

Командный состав решительно выступал против сепаратного мира. И.В. Тюленев пишет, что «офицеры первым долгом осудили пораженчество, занялись выявлением “неблагонадежных” солдат, развернули агитацию, за продолжение войны до победного конца»[5].

Свою пропаганду в войсках вела и РСДРП(б). А.И. Черепанов отмечает, что «...большевики развернули ...активную политико-агитационную деятельность»[6].

Подводя итоги, можно сказать следующее:

Население Российской империи, за исключением отдельных военных и государственных лиц, испытывало значительные сомнения по поводу начала войны, но наступление конфликта встретило патриотическим подъемом, сохранявшимся до первых неудач русской армии.

Имея относительно хорошо обученный кадровый состав, армия России проигрывала противнику в количестве и качестве вооружения и боеприпасов. Особенно эта проблема касалась тяжелой артиллерии, количества снарядов; Балтийского флота и авиации.

Действующая система формирования офицерства выполняла свои функции не полностью. Она также ухудшала взаимоотношения солдат и нижних офицерских чинов с высшим командным составом, образуемым преимущественно из гвардии и офицеров Генерального штаба.

К 1916 году не наблюдается нехватка вооружения, но ярко проявляется недостача бытовых предметов (постельных принадлежностей, сапог и прочего). В худшую сторону меняется личный состав армии; падают его моральные, нравственные качества, снижается уровень обучения.

Февральская революция была принята с воодушевлением, но быстро разочаровала армию. Она также способствовала окончательному падению дисциплины в войсках, а политика Временного правительства и активная пропаганда большевиков подготовили солдат к новым революционным выступлениям.

---

[1] Красовский С.А. Жизнь в авиации. М.: Воениздат, 1968. С. 14.
[2] Брусилов А.А. Указ. соч. С. 262
[3] Там же. С. 261.
[4] Граф Г.К. Указ. соч. С. 250.
[5] Тюленев И.В. Через три войны. М.: Воениздат, 1972. С. 49.
[6] Черепанов А.И. Поле мое ратное. М.: Воениздат, 1984. С. 16.

Рецензенты:

Родович Ю.В., докт. ист. наук, профессор Тульского государственного педагогического ун-та им. Л.Н. Толстого;

Петраков Т.В., научный сотрудник Музея военной истории Тульского края.

Список литературы

1. Андереева Н.А. Вера фон Ренненкампф. Из воспоминаний о Первой мировой войне // Звезда. 2013. № 8.

2. Белова И.Б. Первая мировая война и Российская провинция: 1914—1917 гг.: по материалам Калужской и Орловской губерний: автореф. дис... канд. ист. наук. Калуга, 2007.

3. Вильчинский В.П. Литература 1914—1917 годов // Судьбы русского реализма. Л.: Наука, 1972.

4. Жердева. Ю.А. Воспоминания солдат о фронте по записям сестры милосердия Л.Д. Духовской (1914—1916 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.inion.ru/index.php?page_id=540 (Дата обращения: 6.03.2015).

5. Иванов А.И. Первая мировая война в литературе 1914—1918 гг.: этические и эстетические аспекты: автореф. дис... д-ра филолог. наук. М., 2005.

6. Иванов А. И. Первая мировая война в русской литературе, 1914—1918 гг.: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. 484 с.

7. Козлов Д.Ю. Первая мировая война в русской военно-морской мемуаристике // Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 733—744.

8. Култышев П.Г. Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект: автореферат дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

9. Пахалюк К.А. Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода // Великая война: сто лет. М.: СПб, 2014. С. 206—236.

10. Первая мировая война: год 1914-й: материалы Международ. науч. конф. 22—25 апр. 2014 г., Тула. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. 363 с.

11. Первая мировая: взгляд из окопа. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 216 с.

12. Россия в Первой мировой войне: Балканский аспект. Итоги и перспективы: материалы Международ. конф. 5—7 февр. 2013. Цетинье — Тула — Москва — Киев. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. 254 с.

13. Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 880 с.

14. Фоминых Т.Н. «Вторая муза»: очерки русской литературы 20-х — начала 30-х гг. Пермь: ПГГПУ, 2012, 282 с.

15. Фоминых Т.Н. Первая мировая война в прозе русского зарубежья 20—30-х годов: монография. М.: Прометей, 1997, 162 с.

16. Хеллман Б. Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе / Meeting and Clashes: Articles on Russian Literature. Хельсинки, 2009.

17. Хеллман Б. Поэты надежды и отчаяния: Русские символисты в войне и революции (1914-1918) / Poets of hope and despair, The Russian symbolists in war and revolution (1914—1918). Хельсинки, 1995.

18. Цехновицер О.В. Литература и мировая война. 1914—1918. М.: Гослитиздат, 1938.